

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Ильяна Косынзяна. Румынская народная сказка

В стародавние времена, когда ещё хаживал по свету седой как лунь Дед Мороз, жил–был царь, богатый, как царю и положено. И был у него сын по имени Йоница, по прозвищу Фэт–Фрумос (добрый молодец, богатырь). Много утех у Йоницы: и хороводы он водить горазд, и музыкантов–лаутаров не прочь послушать, но дороже всего были молодцу добрые кони из отцовской конюшни.

Уж он и холил их, и лелеял, и на выгон водил, где клевер послаще.

А надо вам сказать, что нигде не рос такой клевер, как у большого озера. Называлось оно Чудо–озеро. Нет–нет да выходила из него то одна, то другая фея – людям показаться.

Вот раз вечером Йоница вместе с царским конюшим погнал лошадей на выгон к тому озеру.

Йоница лёг спать на бережку, а конюший остался за лошадьми смотреть. Вдруг как всколыхнётся вода в озере – и выходит на берег фея, распрекрасная девица, такой красоты на всём белом свете не сыщешь. Подходит она к Йонице, целует его и молвит:

– Проснись, милый друг!

А Йоница спит – ничего не чувствует. Девица ну ну целовать его, слезы лить, а он спит богатырским сном – не шелохнётся.

Делать нечего – пришлось фее вернуться обратно в озеро.

Когда лошади напаслись вдоволь, конюший растолкал Йоницу, и они пустились в обратный путь. Дорогой конюший рассказал царскому сыну, как фея из озера выходила. Запечалился Йоница, досадно ему на себя стало.

На другой вечер снова повели они лошадей на выгон. Йоница порешил спать не ложиться, да сон–то ведь слаще мёда, против воли очи смыкает. Недаром говорят: и рать, и воеводу – всех повалил.

Вышла фея из озера, будила–будила Йоницу, не добудилась, заплакала и ушла в своё озеро. Конюший всё видел и диву давался, как это Йоница спит – ничего не чувствует.

А поутру рассказал ему про фею, как она над ним плакала–убивалась...

В третий раз повёл Йоница с конюшим лошадей в ночное к Чудо–озеру.

Ходит Йоница взад–вперёд по бережку, глядит во все глаза, поджидает свою фею, а её всё нет да нет. Дай, думает Йоница, прилягу на траву, так ждать сподручнее. Только прилёг, сон тут как тут, сморил молодца. Вышла фея из озера и ну его будить, ну целовать, ну обнимать. Спит Йоница – хоть из пушек пали. Тогда фея и говорит:

– Прости–прощай, милый друг. Больше я к тебе не приду. Сняла у Йоницы с пальца перстень, себе на руку надела, а свой перстенёк – ему. И была такова.

Растолкал конюший Йоницу, так, мол, и так, говорит, опять ты фею прозевал. Йоница смотрит – у него на мизинце чужой перстенёк, на перстеньке слова: "Ильяна Косынзяна, золотая коса, в косе цветы поют, девяти царствам покоя не дают".

Прочёл надпись Йоница – и тоже покой потерял. Вернулся он домой, раздал всё добро бедным, справил себе пару железных лаптей, взял стальной посох и пошёл по белу свету искать Иляну Косынзяну.

Перво–наперво завернул он к своему зятю, к мужу младшей сестры, и спрашивает:

– Не слыхал ли ты чего про Иляну Косынзяну?

– Слыхом не слыхал,– отвечает зять.

Отправился Йоница дальше, приходит ко второму зятю, к мужу средней сестры, и спрашивает, не слыхал ли тот про Иляну Косын–зяну.

– Сказки слыхал,– отвечает зять.– Про неё только в сказке и услышишь.

Делать нечего, привязал Йоница покрепче свои железные лапти и дальше пошёл. Сердце–то – лучший поводырь.

Вот приходит он к третьему зятю, мужу старшей сестры, и говорит:

– Много ты на своём веку повидал, может, знаешь и про Иляну Косынзяну?

– Не нашлось ещё до сей поры такого удалца, который бы в гостях у Иляны Косынзяны побывал,– отвечает зять.– В её царство и дороги–то нету, ни пройти, ни проехать. Ступай–ка ты лучше домой, нечего тебе бродить по свету, людей смешить.

Йоница язык прикусил, тоску в сердце затаил. Простился с зятем и снова в путь–дорогу пустился.

Шёл он, шёл горами высокими, долинами широкими, лесами тёмными, дорогами ровными. Кого ни встретит – сейчас про Иляну Косынзяну спрашивает, да все в ответ только плечами пожимают.

"На что мне жизнь без Иляны? – думает Йоница.– Буду идти, пока земля меня носит, пока солнышко на небе светит". Так плутает он по белу свету, и Иляна у него из головы не выходит. Иной раз чудится ему – вот она, перед ним. Наважденье, да и только.

Вот дошёл он до горы, за которую солнце вечером заходит. Стал на неё взбираться, видит – пещера. Вошёл в пещеру и пошёл всё глубже и глубже: ни одной живой души вокруг, только змеи шуршат да звери рыщут. А Йоница идёт как ни в чём не бывало, страха не знает.

И вот завидел он впереди свет, шаг прибавил, вышел на волю и видит: бежит быстрая речка, вода черней сажи, а на речке мельница работает, колёса так и мелькают – любо–дорого смотреть.

Входит Йоница на мельницу – никого. А что за мельница – без народа? Огляделся Йоница, видит, в углу старый старичок, веки крючьями себе поднимает, такой дряхлый. Муку в мешки сыпать не успевает, так лихо зерно мелется.

– Здравствуй, дедушка! – говорит Йоница старику.

– Здравствуй, молодец,– отвечает старик.– Скажи на милость, каким тебя ветром ко мне занесло? Сюда вовек человечья нога не ступала.

– Человек всюду дойдёт, за девять морей, за тридевять земель заберётся. Вот и я хожу–хожу, пытаю каждого встречного–поперечного, да

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

всё без толку. Может, ты, дедушка, мне ответишь, тебе ведь, поди, столько лет, сколько самому времени?

Старик поднял крючьями веки, взглянул на Йоницу и спрашивает :

– Чего же ты ищешь, молодец? Йоница отвечает:

– Ищу я Иляну Косынзяну, не слыхал про неё?

– Как не слыхать, коли эта мельница–то её, для неё, родимой, я день и ночь муку мелю. Всякое утро прилетают сюда девять птиц–великанов, каждая по четыре мешка пшеницы на себе несёт, за сутки я их должен в муку смолоть.

У Йоницы словно камень с души свалился. Слово за слово – глядишь, старик уже доверил ему вместо себя муку в мешки ссыпать, а сам прилёг и тут же уснул. Уж больно он намаялся.

А Йонице только того и надо. Он вмиг все мешки мукой наполнил, а в один сам залез и изнутри крепко его зашил.

Тут поднялся великий шум, налетели птицы–великаны, кричат старику:

– Эй, готова мука?

Старик встрепнулся, веки поднял, туда–сюда – нет его помощника, и след простыл. Делать нечего, нагрузил старик мешки птицам на спины, да только их и видели: быстрее ветра, быстрее мысли летали те птицы.

А старик остался на мельнице муку молоть. И долго ещё голову ломал, куда его гость пропал: то ли в воду свалился, то ли к людям на вольный свет вернулся.

А Йоница цел–невредим добрался до царства Иляны Косынзяны. Отдали птицы мешки пекарю. Развязал пекарь один мешок – тот самый, где сидел Йоница – да так и ахнул.

– Ты как сюда попал? Сюда живые души не забредают.

– Это ещё как сказать,– отвечает Йоница и показывает ему перстень, а на перстне слова: "Иляна Косынзяна, золотая коса, в косе цветы поют, девяти царствам покоя не дают".

Ну, пекарь и взял его к себе в дом жить.

Настал час пекарю печь хлебы для Иляны Косынзяны – хлеб она ела только его руками испечённый. Йоница и говорит пекарю:

– Позволь мне хлеб испечь, вот увидишь, не подведу.

– Что ж, пеки,– говорит пекарь.

Замесил Йоница тесто по–своему, посадил в печку. Испеклись хлебы на славу – пекарь только руками развёл.

Отнёс он хлебы к Иляне Косынзяне, взяла она один каравай в руки и спрашивает:

– Кто испёк такой хлеб, пышный да румяный?

– Я испёк, кто же ещё! – отвечает пекарь.

Когда весь хлеб вышел, Йоница снова вызвался помочь пекарю, и получились у него хлебы вдвое пышнее да румянее против прежнего.

Снова подивилась Иляна, такого хлеба даже ей есть не доводилось: сам в рот лезет. Известное дело: хлеб добрый, что калач сдобный.

В третий раз настало время печь хлебы. У Йоницы сердце от радости зашлось. Взялся он за дело, ну, думает, была не была – и запёк в один каравай перстень Иляны Косынзяны.

Приносит пекарь хлебы своей хозяйке, взяла она каравай, разломилась – перстень и выпал.

Подняла его Иляна и смотрит – перстень–то её,– и спрашивает она пекаря:

– Кто хлеб испёк?

Пекарь и так, и сяк, да под конец пришлось признаться, что Йоница за него работал.

Иляна тотчас же послала за Йоницей, привели его к ней в хоромы, поцеловала она его в уста, а потом велела одеть в платье, всё шитое золотом. Он–то, пока странствовал, совсем пообносился.

Спустя две недели обвенчалась Иляна с Йоницей Фэт–Фрумсом и устроила пир горой, так что весть о нём прокатилась за девять морей, за тридевять земель.

После свадьбы Иляна дала Йонице связку ключей от всех амбаров и кладовых. Только от одного погреба не дала она Йонице ключа.

День прошёл, другой миновал, и стало Йоницу точить любопытство: а что в том погребе? Попросил он у Иляны ключ, ну, она и дала.

Пошёл Йоница к погребу, двери отпер, внутрь заглянул и видит: стоит огромная бочка. Слышит голос из бочки: открой, мол, дверь пошире. Распахнул Йоница двери, тут как стали на бочке обручи лопаться! Да как вырвался на волю чудище – Змей величиной с гору. Схватил он Иляну Косынзяну и унёс за тридевять земель.

Горько заплакал Йоница, да слезами горю не поможешь. Снова снарядился он в путь, искать свою Иляну.

Надел пару железных лаптей, взял стальной посох и пошёл куда глаза глядят.

Идёт наш молодец, горько кается, некого ему винить, кроме себя.

Долго ли, коротко ли, приходит Йоница к дому Параскевы–Пятницы и стучится в дверь. Говорит ему Параскева–Пятница:

– Если ты добрый человек, входи, а недобрый – уноси ноги, а не то напущу на тебя пса с железными клыками, живым не уйдёшь.

– Человек–то я добрый,– отвечает Йоница.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Впустила его Параскева–Пятница и спрашивает, куда он идёт. Йоница рассказал ей, как было дело.

– Ну и ну,– говорит она,– вот уж истинно: дурная голова ногам покоя не даёт! Хоть надежду не теряешь – и то хорошо. Дам я тебе лук со стрелами, он тебе пригодится.

Взял Йоница лук и пошёл в путь–дорогу.

Идёт он через царства, идёт через государства и приходит к избушке. Над нею вороны кружат, вокруг волки воют – страх, да и только!

Входит Йоница внутрь. Видит: сидит страшилище, баба–яга, вместо ног копыта, когти как серпы острые, в пасти клыки железные.

Спрашивает баба–яга, каким ветром его сюда занесло. Йоница ей отвечает, что пришёл в работники наниматься.

– Вот и хорошо,– говорит баба–яга,– мне как раз пастух нужен, нанимайся ко мне, а работа моя пустяшная: будешь год кобылицу в ночное водить да домой приводить.

Сказано – сделано.

Год в те времена всего три дня длился. Йоница и рассудил, что как–нибудь переможется.

Настал вечер, привела ему баба–яга кобылицу да наказала присматривать за ней хорошенько, не то – голова с плеч.

Сел Йоница на кобылицу верхом и поскакал на выгон. И лук со стрелами не забыл с собой прихватить.

Скачет он по дороге, а навстречу птица с перебитой ножкой. Только Йоница тетиву натянул – подстрелить птицу, а та ему и говорит:

– Не тронь меня, молодец, лучше перевяжи мне ножку, я тебе ещё пригожусь.

Сжалился Йоница над птицей, перевязал ей ножку и поехал своей дорогой.

Приехал на выгон, подумал–подумал и не стал с кобылицы слезать. Решил, так вернее будет.

Кобылица траву щиплет, а Йоница верхом на ней носом клюёт, так и заснул.

Скинула его кобылица на землю, а сама обернулась птицей, в лес полетела и ну с другими птицами песни распевать.

Просыпается Йоница чуть свет, глядь – он не на кобылице верхом сидит, а на камне, в руках – уздечка.

Заплакал он, запричитал, да так жалобно, что иные птицы даже петь перестали.

Вдруг слышит Йоница голосок:

– Не бойся, молодец, найдётся твоя кобылица.

Видит: сидит перед ним та птица, которой он ножку перевязывал.

Вот созвала эта царь–птица всех своих подданных и велела им песни петь и по голосу слушать, которая из них самозванка. Как запели птицы, так и узнали по голосу самозванку и привели её к Йонице. Огрел он её уздечкой и говорит:

– Не велю тебе быть птицей, а велю быть опять кобылицей.

Птица снова сделалась кобылицей, оседлал её Йоница и вмиг очутился у избушки бабы–яги.

Баба–яга как их завидела, взъярилась, бросилась на кобылицу, задала ей трёпку: смотри, говорит, коли в другой раз он тебя найдёт, пеняй на себя.

На другой день к вечеру снова поехал Йоница на выгон.

Едет он, едет и по дороге встречает хромого зайца: ковыляет косой, лапу волочит. Йоница прицелился было в него из лука, а заяц и говорит:

– Не тронь меня, лучше перевяжи мне лапу, а я тебе ещё пригожусь.

Йоница лапу ему перевязал и отпустил зайца.

Приехали на выгон, Йоница снова с кобылицы не слезает, а чтобы сон его не сморил, взял он колючих репьев и насовал себе за ворот.

Да сон явился, как неожиданный гость, сомкнул ему очи.

Скинула его кобылица, обернулась зайцем и умчалась в лес.

Проснулся Йоница, видит – нет кобылицы, стал он плакать да причитать на всё поле, на всё раздолье. Тут прискакал к нему хромым заяц и говорит:

– Не плачь, не горюй, мы её тебе вмиг пригоним. Собрал заяц всех собратьев, стали они промеж себя чужака искать – и нашли по зубам, зубы–то у того лошадиные были. Стали они зайца–чужака щипать да кусать, из лесу гнать. А Йоница уже стоит–ждется.

– Не велю тебе быть зайцем, велю снова быть кобылицею! Огрел он зайца уздечкой, сделался заяц снова кобылицей, оседлал её Йоница и в мгновение ока примчался к бабе–яге.

А баба–яга сидит, воду в котле кипятит, ждёт: вот Йоница вернётся без кобылицы – она живьём его в котле и сварит. Как завидела молодца верхом, от злости чуть не лопнула, однако язык прикусила, Йонице слова не сказала. Бросилась к кобылице и ну её калёной железной плёткой охаживать, пока сама не притомилась, а потом снова ей наказала схорониться от Йоницы, чтобы тот её не сыскал.

На третий день к вечеру снова поехал Йоница на выгон и снова заснул верхом, словно кто его околдовал. А кобылица на сей раз обернулась древним дубом в лесной чаще и корни пустила как раз в том месте, где прикорнул хромым зайчишка, спугнула его с насиженного места.

Проснулся Йоница – ищи–свищи кобылицу. Он и раньше убивался, а теперь и вовсе голову повесил. От бабы–яги мудрено живым уйти. Да ведь друзья в беде не оставят.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Приходят к Йонице царь–птица и хромой заяц и говорят ему:

– Не бойся ты ничего! Возьми свой посох да ударь по каждому дереву в лесу, тогда и найдёшь кобылицу.

Послушался Йоница. Как дошёл черёд до древнего дуба, тот зашумел, зашатался, а Йоница говорит:

– Не велю тебе быть дубом, велю быть кобылицей! Стал дуб кобылицей, оседлал её молодец и поскакал домой.

Как увидела их баба–яга, зубами заскрежетала, так что они у неё покосились–покривились, да делать нечего. Год исполнился.

Говорит Йоница:

– Довольна ты моей службой?

– Куда как довольна,– ворчит баба–яга.– Что ж, пошли в конюшню, выберешь себе коня, как уговор был. Только поешь сперва, оголодал небось.

Йоница принялся за еду, а тем временем подлетела к окошку царь–птица и шепнула ему:

– Коня выбирай самого невидного.

Пошли Йоница с бабой–ягой в конюшню, стала она ему коней показывать. Каких тут только не было: и гнедые, и буланные, и каурые. Выбирай любого.

А в дальнем углу стояла шелудивая кляча, смотреть стыдно.

– Возьму вот эту, пожалуй,– говорит Йоница.

– Да на что тебе такая лядащая,– говорит баба–яга,– выбирай себе доброго коня.

Но Йоница упёрся, стоит на своём, пришлось бабе–яге отдать ему клячу.

Распростился он с бабой–ягой и повёл клячу за ворота. А она еле–еле плетётся, спотыкается.

Но только со двора вышли, что за чудо – послышалось богатырское ржанье, и превратилась кляча в чудного коня, хоть в поднебесье лети.

Четырнадцать селезёнок было у того коня, мог он без роздыха день и ночь скакать.

Вскочил на коня Йоница, только про Иляну Косынзяну подумал, глядь – а он уже у дворца, где Змей живёт.

Иляна как раз по воду шла к колодцу, увидела Йоницу, сразу его признала, на шею бросилась. Тотчас сели они на коня и понеслись.

Змей мигом об этом проведал, оседлал своего коня и во весь опор пустился за ними в погоню.

Только куда ему за богатырским конём угнаться! Видит Змей – дело худо, стал он кричать коню Йоницы, чтобы тот хозяина на землю сбросил, а за то, мол, будет он его в молоке купать и кормить овсом да сахаром.

Не сплосшал Йоница, крикнул змеиному коню, что будет кормить его одним клевером да в росе купать.

Змеиный конь как это услышал, мигом сбросил с себя Змея, расшиб его о землю и копытами растоптал.

Пересел тогда Йоница на змеиного коня, Иляна на богатырском осталась, и поехали они за тридевять земель, к Иляне во дворец.

Тут устроили они пир на весь мир, все феи из Чудо–озера на тот пир пришли, пели, плясали, устали не знали.

И стали Йоница с Иляной Косынзяной жить–поживать, и по сей день живут, коли не умерли.